

их реализация, охрана или защита. Важным в данном случае является сам процесс трансформации прав и свобод указанной категории населения из области определенных социальных возможностей в сферу реальной действительности. Необходимо не только закрепление на законодательном уровне прав и свобод внутренне перемещенных лиц, но и их материализация – действительное получение ими того блага, которое составляет содержание данного права, т. е. его реализация. Таким образом, признание прав и свобод внутренне перемещенных лиц должно предусматривать их практическое осуществление и гарантировать их защиту. Последнее зависит от государства, которое должно создать эффективный механизм правового обеспечения прав и свобод внутренне перемещенных лиц.

Для достижения цели, определенной в Национальной стратегии в области прав человека, в частности обеспечения надлежащей защиты прав и свобод внутренне перемещенных лиц, необходимо совершенствование нормативной правовой базы путем всесторонней имплементации положений Руководящих принципов по вопросу перемещения лиц внутри страны, создания специальных административных органов, деятельность которых направлена на выполнение положений законодательства в сфере прав и свобод внутренне перемещенных лиц, координации усилий различных ведомств, а также надлежащего финансирования из государственного бюджета.

УДК 343.412

Е.В. Катеринчук

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ В СФЕРЕ ЗАПРЕТА ПЫТОК

Конституционная норма Украины о запрете пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство видов обращения или наказания отвечает положениям, которые содержатся в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека (1948), ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), ст. 3 Декларации ООН о защите всех лиц от пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, что унижают достоинство, видов обращения или наказания (1975), Конвенции ООН против пыток и других жестоких, нечеловеческих или таких, что

унижают достоинство, видов обращения или наказания (1984), Европейской конвенции о предотвращении пыток или нечеловеческого или унижающего достоинство обращения или наказания (1987) и в других международно-правовых актах.

Следует отметить, что Уголовный кодекс Украины не воссоздает вышеуказанные конституционные положения и требования международно-правовых актов, которые защищают права человека. Так, в 2001 г. украинский законодатель ввел в уголовное законодательство Украины новый состав преступления – пытки. В ч. 1 ст. 127 УК Украины пытки определяются как умышленное причинение сильной физической боли или физического или морального страдания путем нанесения побоев, мучений или других насильственных действий с целью принудить пострадавшего или другое лицо совершить действия, которые противоречат их воле, в том числе получить от него или другого лица сведения или признания, или с целью подвергнуть наказанию его или другое лицо за действия, совершенные им или другим лицом или в совершении которых он или другое лицо подозревается, а также с целью запугивания или дискриминации его или других лиц.

Определение пытки, приведенное в ст. 127 УК Украины, значительно отличается от того, что дано в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Украина является участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Первого факультативного протокола к нему и присоединилась к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Согласно ст. 9 Конституции Украины действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства. Это положение содержится также в Законе Украины «О международных договорах Украины», ст. 19 которого признает приоритет международного договора относительно норм национального закона, если между ними есть коллизия. Исходя из этого, в Украине должно действовать определение пытки, данное в ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Такой шаг является отступлением от основных положений международных актов против пыток, подавляющее большинство которых предусматривают специального субъекта этого преступления – сотрудников правоохранительных органов (полиции), пенитенциарных учреждений, военнослужащих, врачей, так как именно эти субъекты представляют

наиболее многочисленную категорию лиц, причастных к существованию такого осуждаемого мировым сообществом явления, как пытки.

Итак, анализируя уголовное законодательство Украины и сравнивая с международными нормативными правовыми актами, возможно сделать вывод, что национальное законодательство не отвечает требованиям относительно имплементации норм о запрете пыток. Поэтому будет уместным и обязательным приближение нормы национального законодательства к стандартам международного для устранения противоречий.

УДК 341.64

О.В. Качалова

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Большое значение в сфере обеспечения прав человека в странах – членах Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) играет Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Он является специальным судебным органом, осуществляющим конвенционный контроль, который строго ограничен рамками тех основных прав и свобод, которые закреплены Европейской конвенцией и Протоколами к ней.

Для ЕСПЧ характерен новый тип юридического видения мира – европейского конституционного мировоззрения. В своих решениях он определяет правила понимания смысла тех или иных норм Европейской конвенции. Вопрос о том, было ли в каждом отдельном случае нарушено право, предусмотренное той или иной статьей Европейской конвенции, всегда определяется с учетом конкретных обстоятельств дела и личности заявителя. Анализ решений ЕСПЧ, принятых по делам в отношении России и других государств – участников Конвенции, позволяет определить основные общие условия, в соответствии с которыми формируются правовые позиции данного судебного органа.

Основной критерий, определяющий суть решений ЕСПЧ, – ориентир на соблюдение основных прав и свобод человека, закрепленных Европейской конвенцией и Протоколами к ней. Единообразная практика и единые шаблоны в практике ЕСПЧ отсутствуют. В связи с этим нередко приходится слышать о непоследовательности и противоречивости решений ЕСПЧ, а иногда и двойных стандартах. Так, ЕСПЧ не признавал надзорный пересмотр эффективным средством национальной правовой защиты,

указав, что отмена решения в надзорном порядке может создавать проблемы правовой определенности (Брумареску против Румынии (1995), Рябых против России (2003) и др.). Однако в деле Никитин против России (2004) ЕСПЧ не усмотрел нарушения права на справедливое судебное разбирательство ввиду нарушения принципа правовой определенности.

В понимании ЕСПЧ понятие справедливого судебного разбирательства невозможно свести к одному неизменному критерию, поскольку оно зависит от особенностей конкретного дела и имеет субъективный характер. Так, в деле Х. против Франции (1992) заявитель был болен гемофилией и скончался за месяц до вынесения ЕСПЧ решения. Ему было сделано несколько переливаний крови, и с зараженной кровью занесен ВИЧ. Х. подал иск, требуя компенсации у национальных властей. К моменту рассмотрения дела ЕСПЧ процесс длился уже более двух лет. Суд постановил, что, несмотря на то, что власти не создавали необоснованных задержек, они должны были действовать с исключительной осмотрительностью, поскольку предполагаемая продолжительность жизни заявителя была значительно сокращена в связи с его заболеванием. ЕСПЧ отметил, что органами государственной власти не было использовано все их влияние для ускорения судебной процедуры, и признал факт нарушения ст. 6(1) Европейской конвенции.

Применимые к делу правовые подходы соотносятся с культурной средой соответствующего государства и общеевропейскими ценностями. Так, в делах Ерегин против России (2012), Борисов против России (2012) не было признано нарушений права на справедливое судебное разбирательство, так как заявители не проинформировали российские власти о своем желании лично присутствовать в судебном заседании кассационной инстанции. ЕСПЧ счел, что своим поведением они косвенно отказались от права осуществлять свою защиту лично в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Решения ЕСПЧ всегда в своей основе учитывают конкретные обстоятельства каждого дела: личность заявителя, характер и размер причиненного вреда, действия национальных властей и самого заявителя и т. п. Так, если заявитель не сообщил суду о каких-либо обстоятельствах, препятствующих подсудимому эффективно участвовать в процессе, суд не несет ответственности за неэффективность участия обвиняемого в деле (сниженность слуха, нахождение под воздействием лекарств и пр. (Стенфорд против Великобритании (1994) и др.). Важным критерием, определяющим позицию ЕСПЧ, является степень нарушения соответствующего права, закрепленного Европейской конвенцией и Протоколами к ней. Протоколы № 14 и 15 к Конвенции устанавливают